СКАЗКА

О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНѢ

МИЛОНѢГѢ–БѢЛОРУЧКѢ,

ПО ПРОЗВАНІЮ:

ВАСИЛЬКОВЫЙ ГЛАЗОКЪ

и

О ТРЕХЪ–СТАХЪ–ТРИДЦАТИ–ТРЕХЪ ЗАТЯЖНЫХЪ ВОЛОКИТАХЪ И ПОКЛОННИКАХЪ ЕЯ.

Во странахъ отдаленныхъ, въ царствѣ и государствѣ, что за горами Рифейскими, гдѣ изъ слитковъ злата краснаго, самороднаго, терема кладутъ, а краеугольные основы и вязи ставятъ адамантовые; гдѣ люди хлѣбъ–соль дѣлить съѣзжаются, гостятъ по пяти, по десяти вѣковъ, сватаются по сту, а живутъ не старѣются и по тысячѣ; испиваютъ чару стоведерную, на ногахъ стоятъ, не шелохнутся; поѣдаютъ, во дни постные, во

пятокъ и въ среду, какъ засядутъ полдничать, по три воза бѣлужины, по три воза осетрины, по три воза севрюжины со стерляжиною; а какъ думу думать примутся, такъ надумаютъ, каждый своимъ разумомъ, что головой тряхнетъ, думы съ три копны, да раздумья съ три прикопеночка; — тамъ–то владычествовали и повелѣвали тремя царствами, три брата царя Свѣтозара. А у каждаго у царя государя Свѣтозара было по три жены, а у каждой жены по три дочери, а у каждой дочери по три жениха, а у одной триста–тридцать–три. Не свѣтелъ мѣсяцъ проглянулъ на небѣ, то за горами Рифейскими, изъ терема своего высокаго, изъ окна косящатаго, проглянула красавица бѣлымъ личикомъ изъ–за полога лазореваго; то не ноченька насъ пеленаетъ темная, что рѣсницы соболиныя, бѣлы вѣки дѣвицы опускаются; не заря то занялась утрення, и не зорюшка, не денницы первый лучъ, то проглянула дѣвица васильковыми очами своими; то дщерь была старшаго Свѣтозара царя, Милонѣга—бѣлоручка, по

прозванію Васильковый–глазокъ. И по три жениха у сестеръ ея было, а у ней жениховъ триста–тридцать–три; увивались они за нею, ухаживали, что звѣзды по небу синему за яснымъ мѣсяцемъ, гостить пріѣзжали ко отцу ея, гостили по пяти, по десяти вѣковъ; а сваталися по сотнѣ, а жить съ нею собиралися и по тысячѣ, не хотѣли старѣться; а не съ нею жить, такъ хоть заживо на погостъ неси; а она, Милонѣга—Васильковый глазокъ, имъ ни ходу, ни ладу не даетъ; не даетъ ни жить, ни умереть! Царь отецъ затѣялъ съ тѣми богатыри иноплеменными пиръ пировать, приказалъ въ чаны дубовые пива, меду наливать, дружнымъ оплотомъ чары осушать. И будетъ день въ половинѣ дня, и будетъ пиръ во полу—пирѣ, какъ возговоритъ царь отецъ тѣмъ своимъ дорогимъ сотрапезникамъ, тремъ–стамъ–тридцати–тремъ дочери своей женихамъ и поклонникамъ: «Охъ вы гой есте, витязи именитые, стеклися вы богатыри изъ странъ иноплеменныхъ, аки потоки быстрые, нагорные Рифейскіе, на злачны, цвѣтистые

луга мои; наглядѣлся я на рыси вашей прыть удалую, молодецкую; видѣлъ какъ сшибали вы копіемъ, тупымъ концемъ, по двѣнадцати конныхъ витязей; разсѣкали вы полосой булатной по двѣнадцати толстыхъ кошмъ, и кошмъ калмыцкихъ, валеныхъ; на игрищахъ, на ристалищахъ и на конскихъ бѣгахъ давали вы ускоки кониные, молодецкіе, выметывали перелѣсья удалыя, широкія, каждымъ ускокомъ по загону земли, не возмогли вы тою славою воинскою обрѣсти любви дочери моей, царевны Милонѣги—бѣлоручки. Земля и теремъ мой, сами вы видите, всѣмъ богаты и привольны: на небѣ солнце, и въ теремѣ солнце; на небѣ мѣсяцъ, и въ теремѣ мѣсяцъ; на небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды; на небѣ заря, и въ теремѣ заря и вся красота поднебесная; и дочерью подарилъ меня промыслъ, коей нѣтъ подобной во всей поднебесной, а царствую я уже не единое и не первое тысящелѣтіе и старость меня одолѣваетъ, а наслѣдника нѣтъ какъ нѣтъ; нѣтъ зятя дочери достойнаго и подпоры по мнѣ сиротамъ

моимъ! Охъ вы гой есте, храбры витязи, богатыри многославные, именитые! распотѣшьте меня одинокаго подъ старость лѣтъ! Кто бы выискался изъ васъ сказку сказать, сказку пригожую, поучительну; и такихъ, чтобы вышло ко мнѣ изъ среды вашей, изъ трехъ–сотъ–тридцати–трехъ, три добрыхъ молодца; отворяйте вы мои златыя двери на пяту, подгибайте вы колѣни молодецкія, вы садитесь на ковры сорочинскіе, выпивайте чару зелена вина, утирайтесь вы бѣлыми полотняными ширинками, узорчатыми; вы по сказкѣ скажите поучительной; на троихъ молодцовъ у меня по три дочери, по три невѣсты драгоцѣнныя; а одна невѣста будетъ краше всѣхъ; то царевна Бѣлоручка—Милонѣга Васильковый–глазокъ; и не свѣтелъ мѣсяцъ изъ–за облака, глядитъ дочь моя изъ–за полога; то не ноченька налегаетъ темная, что рѣсницы соболиныя опустила дѣвица; не заря–то и не зорюшка занялася утрення, то проснулася дщерь моя и отверзла зѣницы дѣвственны васильковыхъ очесъ! Я отдамъ

ее за добра молодца, что на вѣно ей мнѣ разскажетъ сказку лучше всѣхъ; кто выходитъ состязатися за красавицу, мою дѣвицу Милонѣгу–царевну Васильковый мой глазокъ?»

И большой за меньшаго хоронится, а отъ меньшаго отвѣту нѣтъ. — «Охъ вы гой есте, добры молодцы, выходите разудалые;» вызывалъ царь отецъ въ другой и третій разъ.

То не вѣтеръ прошелъ верховый по–надъ–лѣсомъ зеленымъ, не вихорь пробѣжалъ по колосьямъ наливнымъ, по сизой пашенькѣ, то не море всколыхалося волной, не зыбями всполошилося Хвалынское; то говоръ пробѣжалъ по столамъ бѣлодубовымъ, бранымъ, разыгралися щеки витязей румянцемъ рьянымъ, — что головушки покачиваютъ, думушку раздумываютъ, ихъ раздумье беретъ: хороша царевна Васильковый–глазокъ, загадаешь про нее, такъ душа замретъ; а что взглянешь, голова отымется!

То не три сокола изъ дубравы выпархиваютъ, не три молодыхъ

подплываетъ сѣрыхъ лебедя, то три могучіе разудалы молодцы, распотѣшить хотятъ государя царя, разсказать на вѣно, на калымъ, по сказочкѣ, состязатися на смерть на животъ, на прекрасную царевну Милонѣгу Васильковый–глазокъ! Отворяли они златыя двери на пяту, садилися во гридницѣ высокой на ковры бухарскіе, выпивали чару зелена вина, утирались полотняными бѣлыми ширинками узорчатыми, кинули промежъ собой жеребьи, а кому первому выпалъ чередъ, тотъ гость изъ земель приморскихъ, далекихъ, полуденныхъ, царю государю челомъ да объ ручку, а самъ началъ сказку сказывать, словеса выговаривать:

Хочу сказывать похожденія поучительныя Принца Адольфа Лападійскаго, на островѣ Вѣчнаго Веселія.

Близь странъ полуночныхъ, у моря ледовитаго, лежатъ земли хладныя, коихъ жители не наслаждаются благорастворенностію воздуха, а ходятъ на лыжахъ бить бѣлыхъ медвѣдей и тюленей по лѣсамъ неимовѣрно высокимъ, по

снѣгамъ сыпучимъ, по громадамъ вѣковыхъ ледяныхъ горъ; славился въ тѣхъ земляхъ промысломъ звѣроловнымъ, считался ловчимъ неустрашимымъ, принцъ Адольфъ, по землѣ своей Лападійскій. Онъ, посадивъ въ одинъ день на рогатину съ полпятка бѣлыхъ медвѣдей, да распоровъ чингалищемъ своимъ съ полпятка же, зашелъ наконецъ въ такую ледяную дичь, что не зналъ, какъ и выплутаться, а собирался было уже наконецъ разгрести снѣгъ, да складывать туда остывшія кости свои, на вѣчный покой, какъ вдругъ увидѣлъ онъ передъ собою темную ледяную пещеру, при входѣ въ которую встрѣтилъ старуху. Сарафанъ на ней былъ изъ птичьихъ кожъ, фата пузырчатая, а власы по раменамъ упадали словно гривы косматыя. — По многомъ взаимномъ удивленіи о нечаянной встрѣчѣ сей, объявила старуха та принцу Адольфу Лападійскому, что онъ въ жилищѣ Бога вѣтровъ, вьюги, мятелей и бурановъ, сѣвернаго Эола; что хозяина, мужа, да и сыновей ея нѣтъ дома, ибо они разошлись

по должностямъ, но что она ужинъ про–нихъ доспѣла, а потому дѣткамъ ея и внучатамъ надлежитъ скоро возвратиться. Онъ сѣлъ подлѣ огня и вскорѣ замѣтилъ, что оный, отъ приближающагося вѣтра началъ пламенѣть и ярко разгораться. За симъ воздухъ отовсюду огласился біеніемъ крыльевъ божковъ летучихъ, которые, числомъ четверо, Сѣверякъ, Полднякъ, Столбнякъ и Шелоникъ, вступили въ пещеру. Они были мокры, пасмурны и угрюмы; у одного струились еще по щекамъ капли дождя; другой стряхалъ, съ распущенныхъ волосъ и крыльевъ, снѣгъ — они всѣ поочередно начали превозносить сиповатыми, рѣзкими голосами подвиги свои. Кто постарался разнести во всѣ стороны дружно и взаимно себѣ сопутствовавшіе корабли; кто загналъ безпощадно бѣднаго мореплавателя на отмели и подводные каменья непроходимые; а былъ одинъ и такой, что гулялъ да шутки шутилъ, срывалъ съ людей шапки и шляпки, обвивалъ подолы юбокъ вокругъ бѣлыхъ ногъ, и заставлялъ

красавицъ на улицѣ по семи разъ на одной ногѣ оборачиваться. — Наконецъ принцъ Адольфъ Лападійскій увидѣлъ еще пятаго отрока, впорхнувшаго въ пещеру, но во всемъ много отъ четырехъ поименованныхъ отличавшагося; онъ много походилъ на Леля или на Ладу, былъ цвѣтущъ и прекрасенъ, и расказывалъ, что миловался сейчасъ съ принцесою веселія и красоты и игралъ въ горѣлки съ приспѣшницами ея. «Позвольте васъ, любезное мое дитя, утрудить вопросомъ,» сказалъ принцъ Адольфъ, «гдѣ эта принцеса обрѣтается, и какимъ путемъ–дорогою можно достичь жилища ея?» — На островѣ Вѣчнаго веселія, — отвѣчалъ божокъ Зефиръ; — неужели вы доселѣ ничего объ этомъ островѣ не слышали? Люди живутъ тамъ въ вѣчномъ благоденствіи; они не знаютъ ни злобы, ни болѣзни, ни войны; живутъ долго и въ изобиліи, и проводятъ дни свои въ невинной, безпечной веселости и въ гордомъ спокойствіи. Жилища ихъ суть злачные лѣса и дубравы; плоды древесные служатъ имъ пищею; они умираютъ

равнодушно и единственно отъ пресыщенія жизнію. Тогда они даютъ пиръ друзьямъ и родственникамъ, украшаютъ вѣнками голову свою и бросаются въ волны морскія. Я завтра на разсвѣтѣ туда отправляюсь и, ежели угодно, могу и васъ взять на слюдовыхъ крылышкахъ своихъ съ собою. — Принцъ Адольфъ, возгоря любовію страстною, несказанно обрадовался доброхотству услужливаго Зефира, пошелъ, по приглашенію его, къ нему въ особую пещеру, съ удивительною роскошью и убранствомъ разукрашенную, провелъ ночь въ пріятной бесѣдѣ, а наутре сталъ снаряжаться въ путь. Зефиръ подалъ ему епанчу и сказалъ: «Если накинешь ее на себя зеленою стороною, будешь невидимкою; если алою, будешь наслаждаться настоящимъ, забывая и прошедшее и будущее, и время пролетитъ, тебя не касаясь!» А за симъ онъ отправился немедленно, вмѣстѣ съ вожатымъ своимъ, Зефиромъ, и держали они путь выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго, и опустились на островѣ Вѣчнаго

веселія, въ вѣчнозеленыхъ, заповѣдныхъ садахъ принцессы роскоши и нѣги. Одна нимфа, дѣвица–приспѣшница, опускала въ самое это время изъ окна высокихъ хоромъ повелительницы своей, на шелковомъ гайтанѣ, корзинку, приказывая садовницамъ наполнить ее цвѣтами. Принцъ Адольфъ, накинувъ плащъ Зефира зеленой стороной, сѣлъ промежъ цвѣтовъ въ корзинку, былъ немедленно поднятъ дѣвушкою въ окно свѣтлицы высокаго терема, и очутился невидимкою, среди великаго множества прекрасныхъ дѣвицъ, у ногъ чарами обильной Принцессы красоты и веселія, сидѣвшей на престолѣ, изъ самоцвѣтнаго камня выдѣланномъ и жемчугомъ скатнымъ унизанномъ, и имѣвшей, въ числѣ прислуги своей, мальчиковъ–купидоновъ, лобызавшихъ у нее непрестанно руки. Принцъ Адольфъ–невидимка, пораженный необыкновенною красою принцессы, забылся и уронилъ съ плеча епанчу, а потому и предсталъ немедленно во весь ростъ изумленной принцессѣ. Онъ палъ къ ногамъ ея,

сказался именемъ своимъ, поклялся въ вѣчной и неизмѣнной любви, и испрашивалъ для себя посильной взаимности ея. Принцесса учинила ему сознанiе давно уже таившейся въ ней взаимной страсти, и пригласила его блаженствовать вмѣстѣ съ нею на островѣ Вѣчнаго веселiя, гдѣ люди живутъ не наживутся, нѣжатся, не натѣшатся. Адольфъ накинулъ немедленно епанчу свою алою стороною, и началъ отъ сего мгновенiя жить въ настоящемъ, не зная ни прошедшаго, ни будущаго; вся жизнь его уподоблялась, съ этого мгновенiя, потоку чувственныхъ наслажденiй.

Въ одну ночь видѣлъ онъ безпокойный сонъ: ему пригрезилось, будто бы епанча нечаянно спала съ плечъ его; а чрезъ таковой сонъ пришелъ онъ въ себя, началъ размышлять о положенiи своемъ, и спросилъ съ безпокойствомъ принцессу, сколь долго онъ уже у нея проживаетъ? — Ему казалось, что онъ съ нею блаженствовалъ уже трои сутки. Но какъ бѣдный Адольфъ Лападiйскiй изумился,

когда услышалъ, что со дня пріѣзда его, миновалъ уже цѣлый вѣкъ! Сорвавъ съ себя епанчу, вспомнилъ онъ подданныхъ своихъ, землю и обязанность вѣнценосца, и требовалъ безъ отлагательства наипоспѣшнѣйшаго увольненія своего и отъѣзда. Упрекнувъ его въ непостоянствѣ, въ измѣнѣ — старинные годы, знать, не нашимъ чета: сто лѣтъ вѣрной любви, да и то еще пеняютъ за непостоянство! — упрекнувъ его, говорю, въ измѣнѣ, подарила ему принцесса на дорогу крылатаго коня исправляющаго въ тѣхъ странахъ должность Пегаса, и сказала: «Покуда, любезный мой Адольфъ, будете сидѣть на даровомъ, завѣтномъ конѣ моемъ, пребудете здравы и невредимы, и доставитъ онъ васъ въ землю и княжество ваше; если же, покинувъ сѣдло, съ него слѣзете, то ни за что болѣе не отвѣчаю.» Принцъ Адольфъ Лападійскій со скорбію и слезами простился съ милою принцессою своею, съ которою непримѣтнымъ образомъ провелъ, въ разныхъ пріятныхъ забавахъ, столь долгое время, и поскакалъ

на конѣ Пегасѣ съ такою поспѣшностію, что забылъ даже взять про запасъ епанчу свою. Конь мчалъ его по доламъ и по горамъ, переплывая съ нимъ моря и рѣки, и принцъ превозмогалъ всякое искушеніе и не сходилъ съ сѣдла. Наконецъ наѣхалъ онъ, по непроходимой и узкой дорогѣ, на опрокинутую бѣду[1], на двуколую колесницу, которая была, по видимому, нагружена легкимъ товаромъ, крыльями, но подъ которою лежалъ полураздавленный старикъ и молилъ о помощи. Принцъ не далъ коню своему перескочить черезъ него, но остановился, слѣзъ и подалъ мнимо-бѣдствующему руку помощи. Но старикъ сѣдобрадый, ухвативъ принца съ такою силою за руку, что сей не могъ уже болѣе высвободить рукц своей, сказалъ твердымъ голосомъ: «Я Сатурнъ, а зовутъ меня Временемъ, я искалъ тебя сто лѣтъ по всей вселенной и обносилъ по тебѣ всѣ свои крылья, почему и легъ здѣсь отдыхать, зная, что тебѣ меня не миновать. Срокъ жизни твоей конченъ, ты отжилъ, теперь поди умирать.» Въ это время пролетѣлъ

Зефиръ надъ умирающимъ принцемъ: онъ прослезился надъ бездушнымъ тѣломъ искренняго друга своего, поднялъ оное и унесъ на островъ Вѣчнаго Веселія, гдѣ, сложивъ его въ небольшую, сокрытую пещеру, сдѣлалъ на оной поучительную надпись: Время есть время, то есть, какъ значится на одномъ арабскомъ языкѣ, есть всему господинъ; не бываетъ сутокъ трехдневныхъ, ниже недѣли длиннѣе седмицы; — жизнь человѣческая уподобляется пущенной съ лука стрѣлѣ, которая летитъ, воздымаясь — медлитъ — опускается, описывая тотъ же путь въ обратномъ смыслѣ, и упадаетъ на землю, изъ которой изъята была; если же встрѣчаетъ на пути своемъ неодолимую преграду, то останавливаетъ теченіе свое, не скончавъ обычнаго пути. Но срокъ полета ея исчисленъ, и ничто продлить его не въ состояніи!

«Спасибо», рекъ Свѣтозаръ государь тому сказочнику своему заѣзжему, «исполать словеснику цареградскому, за поучительныя сказанія давно минувшихъ

дѣлъ! Да только жаль, что Зефиръ твой сдѣлалъ надпись поучительную на островѣ Вѣчнаго Веселія, гдѣ люди вѣкъ блаженствуютъ и въ нравоученіяхъ не нуждаются! Ну, выходцы, кому другой чередъ!»

И заѣзжій изъ странъ восточныхъ, гость изъ земли за–Хвалынской, далекія, по обычнымъ землцы своей привѣтствіямъ, не сталъ пить чару зелена вина, а выпивалъ чару меду рьянаго, утирался ширинкою узорчатой, подгибалъ колѣна молодецкія, садился на ковры землцы своей, ковры сорочинскіе, и началъ такъ:

Сказка моя гласитъ о Халифѣ Багдадскомъ, о семи славныхъ мудрецахъ его и о прокаженной.

Сынъ наслѣдовалъ достояніе отца, почившаго во глубокой старости. Достоянія было много, ибо отецъ былъ халифомъ Багдада и владѣлъ лучшею страною землцы нашей, повелѣвая правовѣрными. Наслѣдникъ былъ красавецъ душой и тѣломъ, вѣрный чтитель пророка, вѣрный слуга курана, достойный обитатель

седьмаго неба и обладатель гурій. Онъ славился доселѣ чуткимъ ухомъ своимъ, зоркимъ окомъ, проницательнымъ умомъ и правотою сердца; — но съ того дня, какъ сдѣлался онъ халифомъ, все это измѣнилось. Окруживъ себя, для блага подданныхъ своихъ, славными мудрецами, сталъ онъ видѣть и слышать все, доколѣ обрѣтался въ чертогахъ великолѣпнаго дворца своего, но былъ напротивъ слѣпъ и глухъ, если выходцлъ изъ онаго. И такъ, всѣ вѣсти о вещахъ за предѣлами занятій домашнихъ, т. е. забавъ его, находящихся, могли доходить до него только посредствомъ мудрецовъ его, которые, тѣмъ болѣе оказывая ревности къ халифу своему, никогда и ни на шагъ повелителя своего не покидали. Правовѣрные жаловались; угнетенные плакали; могучіе злочинствовали — юный халифъ потѣшался, слѣдовалъ совѣтамъ мудрецовъ своихъ и вѣрилъ, что народъ его блаженствовалъ.

Между множествомъ разныхъ фирмановъ, изданныхъ молодымъ

халифомъ, находился и такой, чтобы всѣ безъ изъятія правовѣрные прибѣгали, послѣ утренней молитвы, муллою съ высокаго минарета оглашенной, къ мудрецамъ его, для изложенія сими каждодневно всѣхъ сновъ и видѣній истекшей ночи. Въ толкованіяхъ сновъ сихъ мудрецы юнаго халифа обѣщали найти путь и средство къ исцѣленію его, и халифъ нетерпѣливо этого ожидалъ и требовалъ. Правовѣрные между тѣмъ плакались на притѣсненія неслыханныя, ибо мудрецы брали съ нихъ каждодневно, за истолкованіе сновъ сихъ, плату поголовную, произвольную, со дня на день возрастающую; если же кто объявлялъ, что онъ спалъ эту ночь покойно и что ему не грезилось ничего, таковой, яко злоумышляющій на благосостояніе и благоденствіе халифа своего, осуждался немедленно къ плахѣ или къ опалѣ. Халифъ пребывалъ неисцѣлимымъ. Онъ сзывалъ съ цѣлаго міра, не только изъ своей земли, цѣлителей искусныхъ и многознающихъ; они употребляли средства

дивныя и непреложныя, средства надѣляющія древо зрѣніемъ и камень слухомъ: халифъ пребывалъ неисцѣлимымъ. Врачи, или не могли отыскать истинной причины недуга его, или скрестивъ руки на груди и наклонивъ покорныя выи свои, молчали. Никто не смѣлъ догадываться. Бѣдному халифу, объѣзжая столицу, объѣзжая землю свою, оставалось дѣлать только одно: онъ бралъ съ собою мудрецовъ своихъ и располагалъ ими, какъ онѣмѣвшими чувствами своими и неупотребимыми членами: ты будь у меня головой, ты рукой, ты ногой, ты глазами, ты ногами; ты ухомъ и брюхомъ, и прочее. — Разложивъ такимъ образомъ повинности частей тѣла своего на мудрецовъ своихъ, халифъ нашъ былъ спокоенъ и доволенъ. Мудрецы продолжали безчинствовать и своевольничать, и писали для молодаго халифа своего, въ очередную и въ-запуски, громкія похвальныя изрѣченія, на персидскомъ, арабскомъ и санскритскомъ языкахъ, тѣшили его и забавляли, во

ожиданіи пророческаго сна. Но обѣтованный сонъ не являлся.

Однажды пришелъ къ мудрецамъ, отбывъ утреннюю молитву въ мечети, факиръ; онъ поднесъ правую руку свою ко лбу, къ бородѣ, ко груди, поклонился и разсказалъ слѣдующій сонъ:

«Поливая во снѣ финиковое дерево, которое стоитъ у меня въ саду на небольшомъ курганѣ, увидѣлъ я подъ нимъ множество свѣтляковъ; вскорѣ потомъ весь садъ и домишко мой затопило со стороны восточной, гдѣ стоитъ сераль халифскій, водою; одна только вершина кургана, гдѣ я стоялъ и гдѣ лежали свѣтляки, подъ деревомъ, оставалась сухою. Что это значитъ?» Мудрецы взяли съ него напередъ пешкешъ, за истолкованіе сна, и сказали: «Сонъ твой безтолковъ и значенія никакого не имѣетъ. Вѣроятно ты вчера опился шербета, день же былъ довольно жаркій — и вотъ почему ты видѣлъ во снѣ много воды!»

Факиръ заплатилъ деньги, поклонился вышерѣченнымъ образомъ и пошелъ; но

рѣшеніе это его не удовлетворило. Возвращаясь медленно домой, увидѣлъ онъ, на грязной, тѣсной улицѣ, прокаженную, которая, нагая и босая, побиралася подаяніемъ, въ коемъ всѣ ей отказывали. Факиръ подалъ ей мѣдную монету и продолжалъ задумчиво путь свой. Когда онъ дошелъ до жилища своего и оглянулся, то увидѣлъ, что прокаженная его преслѣдовала. «Отойди», сказалъ факиръ съ негодованіемъ, «ты такъ отвратительна, что я тебя не хочу видѣть!» Но прокаженная навязывала услуги свои, хотѣла непремѣнно разгадать и истолковать факиру сонъ. «Почему этотъ, Богомъ наказанный уродъ, знаетъ, что я видѣлъ сонъ?» подумалъ факиръ про себя, и разсказалъ, что ему пригрезилось. «Свѣтляки», отвѣчала прокаженная, «означаютъ кладъ, сокрытый подъ финиковымъ деревомъ; возми заступъ и вырой его. Вода означаетъ бѣдствіе, тебѣ угрожающее; спасеніе во снѣ на курганѣ, дѣйствительное спасеніе помощію содержащагося въ ономъ курганѣ клада».

Факиръ сдѣлалъ, что ему было сказано, нашелъ кладъ, мѣдный луженый кувшинъ, наполненный золотомъ, подпалъ вскорѣ немилости мудрецовъ и опричниковъ халифа, и отъ угрожавшей ему смерти едва могъ откупиться найденнымъ золотомъ. Благодарный факиръ взялъ нѣсколько золотыхъ монетъ, весь остатокъ огромнаго клада, и пошелъ отыскивать прокаженную, коей былъ обязанъ жизнію. Долгое время искалъ онъ ее тщетно. На распросы его иные отвѣчали: «была гдѣ–то, да пропала;» другіе: «видомъ не видать и слыхомъ не слыхать!» третьи утверждали рѣшительно, что факиръ прокаженную видѣлъ во снѣ; быть не можетъ, чтобы она, со своимъ даромъ прорицанія, была здѣсь въ столицѣ халифа, именитомъ славномъ Багдадѣ! Правительство правовѣрныхъ такихъ потаскухъ не терпитъ. Факиръ пошелъ къ кади, въ судилище городовое, и здѣсь отвѣчали: «не найдешь, чего ищешь; здѣсь нѣтъ прокаженной, а сидятъ люди здравоумные.» Сѣтующій безнадежный факиръ шелъ задумчиво домой, какъ

вдругъ нечаянно встрѣтилъ благодѣтельницу свою въ толпѣ чернаго народа, на базарѣ, на торжищѣ, гдѣ продавались старыя платья и рухлядь. «Вотъ тебѣ все, что имѣю,» сказалъ факиръ, «весь остатокъ огромнаго клада; возьми это въ знакъ признательности моей. Но скажи, всевѣдущая, для чего ты такъ безобразна и отвратительна? Взоръ твой несносенъ для глазъ моихъ, а голосъ твой рѣзокъ и нестерпимъ для слуха!» — Ты не привыкъ еще видѣть меня, — сказала прокаженная; — всмотрись въ меня хорошенько, прислушивайся чаще къ рѣчамъ моимъ, и, можетъ быть, ты скоро будешь судить иначе! — Чѣмъ пристальнѣе факиръ глядѣлъ на нее, чѣмъ бдительнѣе слушалъ, тѣмъ, казалось, болѣе и болѣе ею плѣнялся и вскорѣ не могъ ее покинуть, не могъ съ нею растаться. Безобразіе въ глазахъ его исчезло совершенно; онъ полюбилъ ее страстно. Весь городъ, даже дворъ халифа заговорилъ о любви и дружбѣ факира съ прокаженною, основанною на какомъ–то пророческомъ

снотолкованіи послѣдней, и халифъ, которому неосторожные мудрецы объ этомъ разсказали, какъ о вещи пустой, но по новости забавной, захотѣлъ непремѣнно видѣть достопамятную чету: надлежало привести ее въ сераль халифскій; иначе онъ не могъ видѣть оную, ни слышать. И такъ, факира позвали. «У тебя есть товарка или товарищъ,» сказалъ халифъ; «кто онъ? откуда? можешь ли его позвать?» — Товарищъ мой, — отвѣчалъ факиръ, — есть безобразное, заброшенное существо, которое тебѣ, повелитель правовѣрныхъ, не полюбится. Никѣмъ въ мірѣ подруга моя не бываетъ любима, кромѣ бѣдными и низкаго состоянія людьми: каждая степень, коею человѣкъ приближается ко двору твоему, повелитель, уноситъ и удаляетъ его отъ подруги моей; здѣсь же, въ сералѣ, нѣтъ ничего съ нею общаго, и она здѣсь терпима быть не можетъ. — «Но она отгадываетъ и толкуетъ сны?» спросилъ халифъ. — Она, — продолжалъ факиръ, — все видитъ; видитъ прямо и ясно, и говоритъ не запинаясь то, что видитъ; вотъ все ея

искусство; но за это ее и не терпятъ, и прозвали прокаженною! — Халифъ велѣлъ привести ее къ себѣ немедленно. Всѣ придворные его, начиная отъ визиря и до послѣдней дворцовой кошки и собаки, съ крикомъ, лаемъ и визгомъ отъ нея метались въ сторону: никто не хотѣлъ съ нею встрѣтиться. Шумъ и крикъ около сераля халифскаго до того увеличился, что съѣхались со всѣхъ частей города отлично устроенныя пожарныя трубы. Народъ толпился, дворня суетилась — всѣ спрашивали другъ у друга: что это такое? Между тѣмъ халифъ говорилъ съ прокаженною наединѣ. «Кто ты?» спросилъ онъ ее. — Я истина. — «Откуда ты и какъ попала въ такое жалкое состоянiе?» — Насъ было три сестры, истина, совѣсть и правосудiе. Мы подкидыши, и родителей своихъ не знаемъ. Совѣсть сошла съ ума на безмѣнѣ; ее взвѣшивали, дробили на литры и драхмы, доколѣ она не рехнулась; ее посадили въ домъ умалишенныхъ, тобою, повелитель правовѣрныхъ, сооруженный. Правосудiе не можетъ ступить на ноги, до

того пятки и подошвы избиты у нея палками. Оно лежитъ теперь въ богадѣльнѣ, щедротами твоими, великій халифъ, созданной, и питается подаяніемъ. Меня, старшую сестру, съ–измала до того загоняли, до того надо мною наругались, что мнѣ нельзя было нигдѣ въ настоящемъ видѣ своемъ показываться, а стала я, юродивая, прятаться отъ людей и побираться, и обратилась, съ прозваніемъ прокаженной, во всеобщее посмѣшище и въ поруганіе. — «Но ты всевѣдуща?» спросилъ халифъ, для котораго все, что она ни говорила, было ново и странно. — Я никогда не лгу, — отвѣчала юродивая, — и если что скажу, то скажу не обинуясь правду. — «Знаешь ли причину немощи моей,» продолжалъ халифъ, «которою я одержимъ съ тѣхъ поръ, что княжу, и которая лишаетъ меня возможности видѣть, слышать и дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, кромѣ въ бездѣлкахъ, въ стѣнахъ сераля и гарема, между тѣмъ, какъ народъ и землю долженъ я поручать инымъ?» — Знаю, — отвѣчала прокаженная,

— пойдемъ со мною въ почивальню твою. — Халифъ пошелъ. — Прикажи поднять всѣ драгоцѣнные ковры, покрывающіе одръ твой, равно какъ и самое ложе! — Когда это было сдѣлано, тогда юродивая указала ему на лежащій подъ изголовьемъ золотой орѣхъ, около коего обвивались семь червей. «Что это?» воскликнулъ удивленный халифъ. — Золотой орѣхъ, это ты, — продолжала гостья, — и добрые въ тебѣ зародыши; семь червей — семь мудрецовъ твоихъ, которые, чародѣйскими умыслами своими, сдѣлали изъ тебя калѣку, изъ подданныхъ твоихъ мучениковъ. — Тогда халифъ вознегодовалъ до иступленія. Онъ немедленно приказалъ казнить смертію семерыхъ мудрецовъ своихъ, и тогда же прозрѣлъ глазами и ушами, тѣломъ и душою. Но когда онъ спохватился наставницы своей, которой былъ столько обязанъ, и которую хотѣлъ непремѣнно навсегда оставить при себѣ, то ея уже не было; она опять пропала безъ вѣсти и велѣла сказать халифу, чрезъ улема его,

что юродивая и прокаженная дѣва, которую узналъ онъ впервые подъ именемъ истины, никогда при дворѣ халифскомъ жить не можетъ; что самый мудрый и благомыслящій властелинъ долженъ считать себя счастливѣйшимъ, если она хотя мелькомъ заглянетъ въ сераль его.

За симъ сорочинскій гость, разсказчикъ замысловатой сказки восточной, всталъ и отдалъ царю Свѣтозару поклонъ, по обычаю земли своей, а мѣсто почетное на коврѣ, передъ сѣдалищемъ царскимъ, уступилъ разсказчику третьему и послѣднему. А третій молодецъ не ему ровня: не чета онъ сорочинѣ долгополому, не товарищъ цареградцу щепетильному. Онъ свернулъ да поставилъ шатромъ бѣлымъ бурку кабардинскую, на ней волосъ серебромъ горитъ; накрылъ ее шапкой треухой, на бобрѣ, да на аломъ бархатѣ; брякнули подковки золотыя сафьянныхъ сапожковъ, подогнулись колѣни молодецкія, порасправились усы темнорусые, поклонилась голова забубенная, полилася сказка струя струей

хоть бы плюнулъ, кашлянулъ, хоть бы словомъ поперхнулся однимъ.

Сказка о Морозѣ Снѣговичѣ и о двухъ родныхъ братьяхъ.

Сказка голая, что епанча однополая: сказка безъ хлѣба безъ соли, сказуется черезъ силу, слушается поневолѣ; — моя сказка одѣта, обута: въ началѣ стольничаютъ, въ концѣ бражничаютъ, а посередкѣ пьютъ, да гуляютъ, да добрыхъ людей поминаютъ.

Жилъ былъ старикъ, а у него два сына. А какъ, благостію Всевышняго, старики на этомъ свѣтѣ помираютъ, да дѣтямъ добро свое покидаютъ, такъ и нашъ старикъ жилъ, жилъ да и умеръ, а деньги оставилъ сыновьямъ. Пошли ему, Господи, царство небесное, а намъ многогрѣшнымъ кроху на поминъ души!

У старшаго брата, по имени Оплетало, была совѣсть коновальская; а меньшой, Смѣкайло, былъ и съ бородой, да съ худобой; борода–то выросла, а ума не вынесла. Стали они дѣлить наслѣдство: Оплетало братишка своего оплелъ,

обобралъ, — это мнѣ, это тебѣ, это мнѣ; это мнѣ, это тебѣ, это мнѣ — обдѣлилъ, да и на свѣтъ пустилъ. А какъ у него, у сердечнаго, хозяйки не было, такъ вскорѣ поправился онъ до того изъ кулька въ рогожу, что бывало, собаки въ избѣ ложки моютъ, а козы въ огородѣ щавель да капусту полютъ! Пошелъ было онъ просить помощи у брата — да тотъ, какъ сытый голоднаго не понимаетъ, согналъ его со двора. Медомъ, пивомъ поитъ не богатый, а тороватый.

Деньги прахъ, подумалъ Смѣкайло, а животы, что голуби, гдѣ поведутся! Знать моя доля такая; доброе братство мнѣ бы и милѣй богатства, да вишь нѣтъ ни того, ни другаго! Идти было въ гости, да никто не зоветъ; а брюхо, злодѣй, стараго добра не помнитъ! Встать пораньше, да шагнуть подальше, не набредешь ли гдѣ на съѣстное! Снялъ кафтанъ съ нашести, подпоясался, ухватилъ шапку и рукавицы, и пошелъ въ ту сторону, куда голова перевѣсъ взяла. Шелъ онъ шелъ подъ пролѣскомъ, что налимъ рыба подъ мутнымъ берегомъ, наткнулся на

избушку; — а избушка та, за ночь, какъ дождевикъ, выросла. Смѣкайло вошелъ, перекрестился, поклонился въ уголъ, въ другой и въ третій. «Здравствуй, коли кто живой въ избѣ есть!» — Богъ на помочь, — отозвался сѣдой старикъ на печи. «А что, дѣдушка, никакъ у тебя холодно?» А Смѣкайло по голосу послышалъ, что дѣдъ въ избѣ на печи сидитъ: «нѣтъ ли гдѣ погреться?» Не люблю я васъ молокососовъ баловать, — отвѣчалъ дѣдушка, Морозъ Снѣговичъ; я про себя топлю печь снѣжкомъ, да ледкомъ; ну, да ужъ набери пожалуй хворосту, разведи огня, да погрѣйся — а въ печи есть, коли хочешь, и каша, и щей горшокъ! — Нашему Смѣкайлѣ ни кой кладъ; погрѣлся, наѣлся, выспался, дѣдушкѣ поклонъ въ поясъ, да и собрался съ разсвѣтомъ въ путь. «Чтобы ты не плакался на бѣду, да меня поминалъ,» сказалъ Морозъ Снѣговичъ, «такъ возьми вотъ кожаную суму; — съ нею богатъ не будешь, а сытъ будешь; когда ѣсть захочется, такъ кинь на полъ, ни то на столъ, и молви: сума, дай пить и ѣсть,

и дастъ. Да смотри, не отдавай ее никому!» Смѣкайло дѣдушкѣ въ ноги, прибѣжалъ домой, ѣлъ и пилъ три дня хорошо и сыто, да и вздумалъ позвать брата съ невѣсткой на именины, похвалиться передъ ними добромъ своимъ. Братъ долго отнѣкивался, наконецъ обѣщалъ придти, хлѣба–соли именинника отвѣдать. «Братъ онъ мой,» подумалъ Смѣкайло, «а умъ у него свой; богатство спеси съ родни! Дай же я надъ нимъ шутку подшучу!» Взялъ ржанаго хлѣбца ломоть, да зеленаго луку на грошъ, да квасу–сыровцу кружку; вина–сивухи полкварты, да соли на кружокъ насыпалъ, истолокши, и поставилъ все на столъ. Братъ Оплетало съ невѣсткой пришли, разодѣтые, какъ Божьи племянники, ни къ чему не приступаются, уста пречистыя опорочить опасаются. Тогда Смѣкайло досталъ суму, кинулъ на столъ, и молвилъ: «Богъ вѣсть, что въ сумѣ есть; а вѣстимо и тому, кто принесъ суму! Сума, дай пить и ѣсть!» Въ тотъ же мигъ три челядинца выскочили, яствами и напитками драгоцѣнными столъ весь уставили, и

Оплетало съ женой не могли такому добру надивиться и нарадоваться. Ѣли они и пили; наконецъ Оплетало брата подпоилъ, да и оплелъ; суму вымѣнялъ на балалайку и пошелъ домой. Заутре Смѣкайло спохватился — поздно; коли за своими щеками калача не удержалъ, а за чужими не удержишь! На балалайкѣ три красныя струны, а хлѣба ни ломтя! Пришелъ онъ къ брату: «за своимъ добромъ, да я же тебѣ челомъ» а братъ его велѣлъ вытолкать. Не проси у богатаго, проси у тороватаго! Взвыла да пошла изъ кармана мошна! Взяло кота поперегъ живота; охъ, охъ, а пособить нечѣмъ!

Пошелъ онъ опять къ дѣдушкѣ Морозу Снѣговичу. «Дѣдушка, провинился я передъ тобой! Суму завѣтную отдалъ брату, а у самаго ни хлѣба, ни гроша на разживу!» — Добро, — сказалъ дѣдушка, — добро, собьемъ ведро, обручи подъ лавку, клёпки въ печь, такъ авось и не будетъ течь! Ты уменъ, какъ дьякъ Семенъ, книги продалъ да карты купилъ! — «Дѣдушка, помилуй!» — Быть такъ, Смѣкайло; на

первый разъ прощаю; гляди же, впередъ не шали! — Напоилъ его, накормилъ, и далъ ему суму серебряную; изъ нея, по тому же слову, шесть человѣкъ выскакиваютъ, кормятъ, поятъ до упаду. Смѣкайло таки не утерпѣлъ, чтобы передъ братомъ не похвалиться новымъ добромъ своимъ; а тотъ, какъ пришелъ, какъ глянулъ, такъ вислоухаго Смѣкайло, по прежнему опоилъ, да и оплелъ; на рожокъ съ табакомъ вымѣнялъ у него суму, да и пошелъ! Смѣкайло проснулся утромъ, — было густо, стало пусто! Запѣлъ что коза на привязи: «Аль на мою голову прахъ палъ, аль я въ такой часъ уродился, аль на такихъ рукахъ окрестился, что мнѣ нѣтъ талану, что я ни съ чего не разживуся? Добрый Иванъ и людямъ и намъ, а плохой Иванъ ни людямъ, ни намъ! Таковъ и я теперь! Гдѣ бѣда не была, а къ намъ опять пришла! Какъ быть? Братъ меня обижаетъ; онъ богатъ, такъ на немъ хоть не ищи, на него ни суда, ни докащиковъ; а Богъ и видитъ, да не скоро скажетъ!» Но сколько нашъ Смѣкайло ни разсуждалъ, а пришлось

въ третижды итти къ дѣдушкѣ Морозу Снѣговичу; Смѣкайлѣ ѣсть захотѣлось, а голодъ не сосѣдъ, отъ него не уйдешь! Пусть жить горько, да вѣдь и умирать не находка! — «Дѣдушка, виноватъ, а суму твою я опять прогулялъ: на рожокъ съ табакомъ промѣнялъ! Дѣдушка Морозъ Снѣговичъ, ты православному человѣку свой; накорми да сумкой подари; ай дѣдушка, ѣсть хочу сего дня, захочу — напередъ знаю — и завтра!» — На всякое чиханье не наздравствуешься, — отвѣчалъ дѣдушка, — а на дурака добра не напасешься, не дамъ тебѣ ничего. — «Дѣдушка, помилуй! грѣхъ да бѣда на кого не живетъ?» — Грѣхъ грѣхомъ, — молвилъ опять дѣдушка, — а вина виной; у тебя борода съ ворота, а ума съ прикалитокъ нѣту, глупому сыну не въ помощь и богатство! — «Дѣдушка, помилуй, впередъ не буду; у меня теперь отколѣ умъ взялся, не стану пить да гулять, не стану на суму торговать!» — Ты съ коробомъ, а я съ норовомъ, — сказалъ дѣдъ; — каяться, такъ кайся, да опять за старое не принимайся;

тебя проучить порядкомъ надо; громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится; горбатаго исправитъ могила, а упрямаго — дубина! Простить развѣ еще разъ тебя только для того, что родному брату суму отдалъ! На, вотъ тебѣ сума золотая; когда ѣсть захочется, скажи: сума, дай пить и ѣсть — двѣнадцать человѣкъ молодцовъ выскочатъ и накормятъ тебя въ волю; да только ты, какъ наѣшься, кричи поскорѣй, не зѣвай: молодцы въ суму! Теперь похлебай моихъ щецъ, надломи хлѣбецъ мой, отдохни; да и ступай съ Богомъ! — Смѣкайло у дѣда ѣлъ не ѣлъ, все домой глядѣлъ, наконецъ пошелъ. Путемъ–дорьгою вздумалъ онъ позакусить маленько своего хлѣба и соли, золотой сумой потѣшиться. Онъ кинулъ суму на землю, и молвилъ: «Сума, дай пить и ѣсть!» Двѣнадцать молодцовъ выскочили изъ сумы, и приняли бѣднаго Смѣкайла въ плети, приговаривая: «не пьянствуй, не бражничай, не балуйся!» да такъ, что онъ едва успѣлъ опомнясь закричать: «молодцы въ суму!» и молодцы схоронились. «Чтобы

тебѣ старому чорту ежа противъ шерсти родить,» проворчалъ Смѣкайло, почесывая бока и спину, «какими учителями меня подарилъ! Эдакъ, по неволѣ, дастся и собакѣ наука! Погодите жъ вы, дружки толоконнички, толоконце съѣвъ да и розно всѣ! Это все вы брата моего съ пути сбиваете, чтобы васъ, дармоѣдовъ, чортъ растасовалъ! Я васъ напою и накормлю всѣхъ, и тебя, доведь счастія, братъ любезный, проучу я также!» Не успѣлъ онъ притти домой, какъ Оплетало съ ровнями своими самъ напросился на обнову поглядѣть. Золотая сума до того приглянулась брату, что онъ отдалъ Смѣкайлѣ — а ужъ Смѣкайло не промахъ — и кожанную, и серебряную, только бы добыть себѣ золотую. Добылъ, пришелъ домой, хлѣбосольниковъ готовыхъ полна изба; — онъ суму на столъ, давай хвалиться гостямъ: «Богъ вѣсть, что–де въ сумѣ есть, и невѣдомо и тому, кто принесъ суму! Сума, дай ѣсть и пить.» Двѣнадцать молодцовъ, одинъ одного ухватками чище, выскочили, ровно съ лука спрянули, и

приняли всѣхъ, кто живой тутъ былъ, въ плети, приговаривая: «полно пьянствовать, полно бражничать, пора за умъ хватиться!» Холопы и челядинцы съ крикомъ на улицу повыскочили и со страхомъ повѣдали Смѣкайлѣ, ждавшему конца пѣсни у воротъ, на какую пирушку гости попали! Смѣкайло кинулся въ избу, и закричалъ: «молодцы въ суму!» Все стихло и плети улеглись въ сумку; гости, почесывая спину, въ охабку кушакъ и шапку, да скорѣй безъ памяти домой. Оплетало сидѣлъ, прижавшись въ красномъ углу подъ образами, то крестился, то на суму косился, то поглядывалъ на Смѣкайла, и добывалъ слова. Знаетъ кошка, чье мясо съѣла! Смѣкайло подошелъ къ нему и сказалъ: «успокойся, братъ любезный, молодцы въ сумѣ! Хоть они вамъ и дались знать, что до новыхъ вѣниковъ чай не забудете, но на этомъ не взыщи; ты знаешь, что у насъ одинъ битый семерыхъ небитыхъ стоитъ! Люби ѣздить, люби и возить; на людяхъ и смерть красна, а какъ намъ гулять, такъ и ночь коротка!

Любезный братъ! добрыя сумки обѣ у меня, а поганая у тебя; помирись со мною, обѣщай меня болѣе не обманывать, не оплетать, такъ у насъ все будетъ опять пополамъ, и добро и худо. Что тебѣ въ твоемъ богатствѣ, братъ любезный? Богатый не по два раза на день обѣдаетъ да сытъ бываетъ; а бѣдному мосолъ — онъ и сытъ, и веселъ! Двѣ головни вмѣстѣ всегда курятся, любезный братъ, а одна гаснетъ; крѣпка артель атаманомъ — двое и въ полѣ воюютъ, а одинъ и дома горюетъ! — Вонъ, видишь, и дѣдушка Морозъ Снѣговичъ идетъ насъ съ тобою мирить; гляди какъ посыпалъ!» — Сыпь, батюшка, — сказалъ Оплетало, вставая и поглядывая въ окно, — сыпь, отецъ родной, у насъ масляна на дворѣ, пора сани закладывать, да салазки припасать! Русскому дорого яичко къ Христову дню! По рукамъ, такъ по рукамъ, братъ Смѣкайло; кто старое помянетъ, того чортъ на расправу потянетъ! Доставай–ка свою сумку, а эту, окаянную, закинь хоть туда, гдѣ черти въ чушки играютъ;

доставай, такъ мы перехватимъ съ перепугу, да на мировую выпьемъ!

— Ну, а напугалъ было ты меня, братъ Смѣкайло, что помутило на–сердцѣ и въ головѣ одурѣло! Мировую, такъ мировую! и худой миръ лучше доброй ссоры!

Вотъ вамъ сказка хватская, наука братская, быль казацкая!

«Гой есте витязи могучіе, богатыри иноплеменные, и книжнаго ума великаго причаститься сподобившіеся,» началъ таково слово царь Свѣтозаръ, «распотѣшили вы меня подъ старость лѣтъ: вы сказали мнѣ по сказочкѣ, что одна лучше одной! Выпивайте вы, каждый, турій рогъ меду сладкаго, турій рогъ въ полтретья ведра; подходите къ дочери моей Милонѣгѣ–бѣлоручкѣ, по прозванію Васильковый глазокъ, пусть сама рѣшаетъ царевна моя: кто ей милъ и по душѣ пришелся, и чья сказка ей по нраву довелась? На кого укажетъ она — тотъ сыномъ будетъ старшимъ у меня, тотъ царь народу моему, суженый дочери, и заживо наперсникъ и наслѣдникъ мой!»

И царевна Милонѣга, поникнувъ долу васильковыми очами, сладкимъ голосомъ молвила: «Тотъ, что шапку носитъ треухую на соболяхъ, бурку на плечахъ словно лебяжій пухъ, и оружіе за плечами возитъ долгомѣрное, и въ налушнѣ тугой лукъ, и въ колчанѣ калену стрѣлу, въ правой рукѣ, на темлякѣ, копье мурзамецкое ярой свѣчей горитъ, что кольчуга по булату вызолочена, полоса въ ножнахъ словно золото звенитъ, а въ правой рукѣ словно радуга горитъ, что сказки говоритъ не восточныя и не западныя, а свои, коренныя, доморощенныя — тотъ пусть будетъ господиномъ моимъ! И сама я вышью ему кафтанъ сухимъ, краснымъ золотомъ по рыту бархату, и ходить за нимъ стану какъ за батюшкою; и любить пуще брата милаго, назову я его своимъ суженымъ — коли выйдетъ онъ съ двумя соперники своими, за меня, на единоборство кровавое и, избивъ ихъ, самъ изыдетъ побѣдителемъ!»

И возговорила труба ратная, подвели коней борзыхъ, боевыхъ, на свой ладъ у

всякаго разукрашенныхъ. Три витязя наши въ бой снаряжаются, въ чистомъ полѣ съѣзжаются — въ полѣ съѣзжаются, родомъ не считаются!

Стягну умъ крѣпостію своею, рекъ одинъ, и изострю сердце мужествомъ, и весь исполнюся духа ратнаго! Ударилъ копіемъ — подъ однимъ сопротивникомъ конь окорачился, другой въ сѣдлѣ подскочилъ въ полдуба стоячаго; а и Сёма встаетъ, пересемываетъ, а Спиря встаетъ — поспириваетъ... побѣдитель сымалъ съ коней ихъ чембуры шелковые, мцловалъ ратниковъ побѣжденныхъ: — русскій лежачаго не бьетъ, отпускалъ ихъ дўши грѣшныя на покаяніе, вязалъ имъ руки бѣлыя, вѣшалъ ихъ въ торока сѣдла кабардинскаго, подвозилъ ихъ въ торокахъ ко цареву шатру — онъ царю великому покланяется, ко стопамъ царевны кладетъ поборниковъ своихъ, ея милости поклонниковъ..... А царевна Милонѣга–бѣлоручка Васильковый–глазокъ, что очи сокольи, брови собольи, грудь лебедина, походка павлина, уста ярый маковъ

цвѣтъ, — скоро встаетъ съ сѣдалища аксамитнаго, по коврамъ ступаетъ, по шелковымъ, сама подаетъ ему руку бѣлую. А суженый ея, а нашъ ясный соколъ, ей челомъ да обручку. «Ты постой, постой, царевна многославная, ты прямо не скачи, не безчести ковры, ковры батюшкины: а и будетъ пора, кругомъ обойдешь! Ты послушай слльва моего немудраго: когда я у сударыни у матушки соску сосалъ, тогда игрушка у меня была потѣшная, шелепуга подорожная, въ ней 50 пудовъ свинцу налито чебурацкаго; не боялся я ни живота ни смерти, не вѣрилъ я ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣрилъ въ свой червляной вязъ; — черпалъ я, на своемъ вѣку, шеломомъ воду изъ Дуная; слышалъ, какъ лисицы лаяли на червленные щиты; видѣлъ, какъ рыщутъ волками по полю, съ себя студеную росу отряхая, ища себѣ чести, а князю славы — видѣлъ, какъ стелютъ не снопы, а головы, молотятъ цѣпами булатными, на току животъ кладутъ, вѣютъ душу изъ тѣла — такъ тебѣ ли, красавицѣ–дѣвицѣ, застращать меня похожденіями ратными?

Ой дѣвица, дѣвица, что вьлосъ дологъ, да умъ коротокъ! Гдѣ это на бѣломъ свѣтѣ слыхано, подъ краснымъ солнышкомъ видано, чтобы надъ суженымъ такъ потѣшалися, какъ ты надо мною потѣшаешься? Стало быть голова моя у тебя залишняя! Не шей ты мнѣ кафтана золотомъ по рыту бархату, не ходи за мною какъ за батюшкой, не люби пуще брата милаго, не зови своимъ суженымъ; вотъ тебѣ сорочина долгополая, вотъ и цареградской, заѣзжій гость; оба связаны чембурами шелковыми, обоихъ казакъ въ торокахъ важивалъ; — выбирай изъ нихъ любова, не то за двоихъ выходцѝ!» Самъ онъ свиснулъ, на арчакъ вскочилъ, вынималъ, какъ сказуетъ Кирша Даниловъ сказочникъ, вынималъ, изъ налушна тугой лукъ, клалъ стрѣлу каленую, вытягалъ тугой лукъ за ухо — и завыли рога у туга лука, и спѣла тетивка да присвиснула — взвыла да пошла калена стрѣла: угодила въ сыръ кряковистый дубъ — какъ хлеснетъ булатна стрѣла по сыру дубу, изломала, искрошила его въ черенья ножевыя!

А нашъ молодецъ взвился да пошелъ; мелькнулъ въ глазахъ, что стрѣла съ тетивы, что тарпанъ мышастый по степямъ за–Донскимъ, по ковылу сивому!

В. ДАЛЬ

[1] **Извѣстно, что одноколку иначе называютъ и бѣдою.**